

Ольга Ярошинская

СТАНЬ МОИМ
МУЖЕМ,
ДРАКОН!

Ольга Ярошинская

Стань моим мужем, дракон!

«Автор»

2023

Ярошинская О. А.

Стань моим мужем, дракон! / О. А. Ярошинская — «Автор»,
2023

Я купила красивого раба, чтобы выдать его за жениха и избавиться от навязанного замужества, а получила большие проблемы. Геррах — дикий и необучаемый варвар, или притворяется таким, чтобы поиздеваться надо мной? Перевертыш, которому обрезали крылья, дракон, потерявший себя. Но, быть может, мы найдем друг в друге куда больше, чем искали.

© Ярошинская О. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Покупка	5
Глава 2. Терпение и труд	11
Глава 3. Соловьиные трели	16
Глава 4. План Бэ	21
Глава 5. Предложение	26
Глава 6. Жених	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ольга Ярошинская

Стань моим мужем, дракон!

Глава 1. Покупка

Я обошла весь невольничий рынок и увидела то, что мне нужно, когда совсем потеряла надежду. Толстая цепь тянулась от его щиколоток к раскаленному под солнцем металлическому столбу, но мужчина сидел, прислонившись к нему широкой спиной, и выглядел расслабленным и безучастным.

– Ты говоришь по-нашему, раб? – спросила я, остановившись напротив.

Его темные спутанные волосы наверняка заблестят, если их хорошенько промыть от крови и пыли, на широких плечах остались рубцы от кнута, но под одеждой их никто не увидит, руки красивые – с длинными сильными пальцами. Шею мужчины обхватывал широкий железный ошейник, приковывающий его к столбу, руки тоже были замкнуты за спиной.

– Ты понимаешь, что я тебе говорю? – членораздельно переспросила я.

Раб окинул меня неспешным ленивым взглядом с ног до головы и, глядя прямо мне в глаза, ответил такой отборной бранью, что кончики моих ушей загорелись. Говорил он, впрочем, по-нашему, с цветистыми оборотами, свидетельствующими о хорошем владении языком, и почти без акцента. Суть же его пылкой речи сводилась к тому, что он сделал бы со мной, в каких позах и сколько раз – много.

– Об этом можешь и не мечтать, – отрезала я. – Но я могу тебя купить, покормить и даже вымыть. Или ты не хочешь расстаться с цепями?

Раб облизнул пересохшие губы, и, несмотря на тяжелые цепи и скованные за спиной руки, легко и гибко поднялся, оказавшись на голову выше меня.

– Госпожа, – подскочил ко мне низенький смуглый надсмотрщик. – Давайте я покажу вам другого. Вон тот, посмотрите, очень спокойный домашний раб, обучен читать и писать и даже может вести бухгалтерию.

Я мельком взглянула на толстячка с потной лысиной. Нет, этот не подойдет.

– Или, быть может, вам нужна хозяйственная рабыня, трудолюбивая женщина...

– А с этим что не так? – спросила я. – Покажи зубы, раб.

Он осклабился, и я едва сдержалась, чтобы не поежиться под палящим солнцем. Зубы у раба были великолепные: белые и ровные, с удлиненными клыками.

– Перекидывай, – мрачно сказал надсмотрщик то, что я и так уже поняла. – Попал в плен в последней стычке.

– Мне захватили обманом, – подал голос мужчина, и надсмотрщик ткнул его палкой под ребро.

Раб даже не поморщился, только темные глаза стали совсем черными, как бездонные бездны. А мне подумалось, что если бы не цепи, то надсмотрщик мигом не досчитался руки, а то и головы.

– Сколько? – спросила я.

– А если госпожа желает плотских утех, – понизил голос надсмотрщик, – то буквально завтра поступит новая партия рабов из Этреи, знаменитых своими мужскими статями.

Раб выразительно усмехнулся, а я закатила глаза.

– Но если он вам так уж приглянулся, то я отдам вам его всего за тысячу драх.

– Почему так дорого? – возмутилась я. – Он же никчемный раб, ни к чему не годный.

– Вообще-то я приберег его для распорядителя игр, – признался надсмотрщик. – Такой раб может продержаться до самого финала. Дерется как дьявол. Я бы стряс за него и полторы, но ваша красота, госпожа, воистину украсила этот день, так что я готов уступить...

Сдвинув засов, я толкнула калитку и подошла к рабу вплотную. Обошла по кругу, разглядывая бугрящиеся под смуглой кожей мышцы, жесткие черты лица, татуировку на правом плече. Приглядевшись, поняла, что это вовсе не рисунок, и осторожно коснулась жестких чешуек.

– Почему ты не обращаешься? – спросила я.

– Наши доблестные маги убили его дракона, – охотно пояснил надсмотрщик. – Но он и без него очень опасен, госпожа.

– Дай слово, что не попытаешься меня убить, – потребовала я.

Раб покосился на меня темными глазами и промолчал.

– Что ж, ценю честность, – протянула я. – Хорошо, я его забираю.

Мешочек с монетами перекочевал в потную ладонь надсмотрщика, и он, хмурясь, глянул на мои носилки, где ожидали четверо рослых рабов.

– Он не сбежит и не причинит вреда, – поняла я его безмолвный вопрос.

Вынув из кармана браслет, защелкнула на широком запястье раба. Магическое плетение надежное, сама делала.

– Что тебе от меня надо, женщина? – прошипел он.

– Амедея, – представилась я. – А твое имя?

Он долго молчал, и я думала, что уже и не ответит. Но, видимо, ему самому хотелось произнести свое имя вслух. Почувствовать, что он еще тут, что он есть.

– Геррах.

– Следуй за мной, Геррах, – приказала я. – И не думай, что тебе удастся сбежать.

Прикоснувшись к железному ошейнику на его шее, я шикнула и отдернула руки.

– Это же пытка! – воскликнула я. – Металл раскаленный!

– Драконорожденные не боятся ни жара, ни огня, госпожа, – успокоил меня надсмотрщик.

Сам он предпочитал держаться от опасного раба подальше. Вместо этого бросил ключи потному толстячку, которого пытался всучить мне в качестве счетовода.

– Госпожа, – пробормотал тот, расстегивая ножные кандалы раба. – Я вел дела моего господина, великого правителя красных гор. За меня не попросят много.

– А за этого сколько хочешь? Если возьму двоих, хочу скидку, – потребовала я и сторговала второго еще за пятьсот.

Надеюсь, он и правда хорош.

А Геррах, разумеется, попытался сбежать, как только с него сняли цепи. Еще несколько раз он бросался в переулки, надеясь раствориться в толпе. Но магические узы держали лучше железа, так что к дому он подошел сразу за мной: сбитый с толку, хмурый, но, должна признать, великолепно красивый в своей чистой мужественности.

Тетушка, сбежав по ступеням, только всплеснула пухлыми ручками.

– Медея, радость моя, – всхлипнула она. – Да кто поверит, что ты могла влюбиться в такую образину. Ты погляди на него – рожа бандитская, интеллекта – ноль, небось еще и ногти грызет, а моется по большим праздникам.

Она принялась и выразительно поморщила нос.

– Влюбиться? – переспросил Геррах, повернув ко мне голову.

– Я не уверена, что он подходит, – честно призналась я, игнорируя его вопрос. – Но, в конце концов, он и не должен быть особо умным. Конрад считает меня безмозглой самкой, вот я и выбрала... самца.

– Что происходит? – высокомерно спросил раб, как будто имел право требовать от меня ответа.

– В общем, мне нужен муж, – ответила я. – Срочно. Иначе он у меня появится насильно и вопреки моему желанию.

– И ты решила его себе купить?

Я пожала плечами.

– Почему бы и нет. Свободный мужчина ни за что не надел бы на себя браслет подчинения. И не пытайся его снять – не выйдет. Как и сбежать. Как и испортить мое имущество. И навредить мне тоже не получится.

Он изучающе смотрел на меня, и я заметила золотистые искорки, вспыхнувшие вокруг его зрачков.

– Ты хочешь выйти за меня замуж? – уточнил он.

– Боже упаси, – рассмеялась я. – Нет. Но Конрад, мой дядя, должен в это поверить.

Геррах коротко кивнул и пошел по ступенькам вверх.

– Ты обещала мне ванну, – бросил он.

– Хам, грубиян и головорез, – подытожила тетушка. – А это еще что за недоразумение?

– Эврас Толсен, – представился толстячок. – Мне бы тоже... Водички...

Она вздохнула и жестом поманила его за собой, а я пошла следом.

Дурацкая идея, конечно, но что еще мне оставалось? Если я не предьявлю дяде жениха, а лучше – мужа, то он сам найдет претендента на мои владения, состояние и на саму меня.

Я нашла свое приобретение в купальнях. По пене и грязным лужам, разлитым по полу, поняла, что сперва он тщательно вымылся, а теперь наслаждался чистой водой. Раскинув руки, Геррах запрокинул голову на бортик и лежал, блаженно прикрыв глаза. А я остановилась на другом краю бассейна, рассматривая мужчину.

В конце концов, он всего лишь раб, моя собственность – браслет подчинения обхватывал его левое запястье тугим кольцом. Имею право посмотреть, за что отвалила целую тысячу.

А мужчина и правда был хорош: удлиненные глаза с густыми темными ресницами, чувственные губы, развитая мускулатура. При этом раб казался удивительно гармонично сложенным: не слишком тяжелый, он наверняка ловок и быстр. Прозрачная вода не скрывала ни кубиков пресса, ни того, что пониже, а длинные ноги вытянулись до середины маленького бассейна.

– Нравлюсь? – спросил Геррах, не открывая глаз.

– Главное, чтобы у дяди создалось впечатление, что ты мог мне понравиться, – уклончиво ответила я.

Он разлепил ресницы и посмотрел прямо на меня.

– Присоединяйся, – вкрадчиво предложил. – Места хватит.

Я и правда опустила на бортик, свесив ноги в воду. Юбка тут же промокла, облепив бедра, и взгляд темных глаз прикипел к моим ногам.

– Вот так ты и должен на меня смотреть, раб, – похвалила я. – С вождением.

– Это легко, – улынулся Геррах. – У меня давно не было женщины, а ты довольно красива.

Он метнулся ко мне стремительным движением дикого зверя, и его тут же отбросило прочь, приложив о мраморный бортик спиной.

– Осторожнее, – предупредила я, закидывая ногу за ногу. – Если станешь калекой, отправишься назад к столбу. А тебя вряд ли возьмут счетоводом, с твоей-то фактурой.

– Что за хрень ты на меня нацепила, женщина? – взъярился он, пытаясь стащить браслет.

– Не твоего ума дело, – ответила я. – Зови меня по имени – Амедя. Правильнее было бы госпожа, но не хочу, чтобы ты потом оговорился при дяде.

Он попытался скovyрнуть браслет зубами, намылил запястье. Я наблюдала за потугами раба с растущим раздражением. Пощелкав пальцами, привлекла его внимание.

– Ты не снимешь его, как ни старайся. Так что привыкай к новому положению. Здесь не так уж плохо, согласишься.

– Быть игрушкой богатой шлюхи? Завидная участь!

– Сам ты шлюха, – с достоинством ответила я. – Быть может, в твоих диких землях женщины и ложатся под каждого, кто приглянется, у нас же все иначе.

– То-то тебе расхваливали выдающиеся мужские стати рабов.

– Но я ведь не стала ждать новой партии и взяла посредственного тебя.

Геррах осклабился и выпрямился передо мной во весь рост.

– Ты серьезно? – спросил он.

– Сядь уже и убери с глаз моих это все, – досадливо махнула я рукой. – И слушай дальше. План такой: через неделю приезжает мой дядя. К этому сроку мне надо обтесать тебя настолько, чтобы ты смог сойти за приличного человека. Времени совсем мало. Неделя – это семь дней.

– А семь – это сколько? – уточнил Геррах.

Я начала загибать пальцы, но поймала его насмешливый взгляд.

– Я научу тебя пользоваться столовыми приборами, танцевать, играть в нарды и поддерживать беседы на общие темы, – продолжила я сердито. – На людях мы будем разыгрывать взаимную любовь. Быть может, даже придется сделать вид, что ты обесчестил меня до брачной церемонии, чтобы у дяди не осталось выбора, лишь только отступить.

– Из меня так себе актер, – пожаловался Геррах. – Я дикий варвар, воин, не знающий слов любви. Давай лучше я обещаю тебе по-настоящему.

– Ты издеваешься надо мной? – вспыхнула я.

– Что ты, госпожа Амедея! – искренне возмутился он. – То бишь просто, без госпожи.

– Я дам тебе свободу, – сказала я, и он тут же умолк, пристально глядя на меня непроницаемо черными глазами. – Через год. Мне исполнится двадцать один, и дядя отстанет от меня со своими матримониальными планами. Матримониальные – это...

– Я знаю, что это значит, – перебил меня Геррах. – Ты клянешься? Ты даешь слово, что снимешь с меня свой поганый браслет и подпишешь вольную?

– Клянусь, – сказала я.

– Не знаю, можно ли тебе верить, – протянул он.

– А ты не в том положении, чтобы сомневаться или торговаться, – напомнила я. – Ты мой раб и будешь делать то, что я прикажу. Скажу целовать мне ноги, и ты...

Он тут же переместился ближе и осторожно обхватил мою щиколотку двумя пальцами. Приказ, повисший в воздухе, позволил ему это, и я подумала, что впредь надо тщательнее следить за словами.

Геррах посмотрел на меня снизу вверх, неторопливо сдвинул мокрую ткань юбки. Теплые губы коснулись моего колена, обожгли ногу выше, сместившись на внутреннюю поверхность бедра, и толпа мурашек рванула по моей коже.

– Достаточно, раб, – холодно произнесла я. – Ценю твое послушание и готовность убажить госпожу...

А ведь он и правда готов, во всех смыслах. Не мог пены добавить, чтобы скрыть свою вопиющую наготу хоть немного!

– Думаю, будет правильно, если ты тоже станешь называть меня по имени, – предложил он, оставив в покое мою ногу. – А то оговоришься при дяде...

– Разумно, – кивнула я. – Геррах.

Он уперся руками о бортик по обе стороны от моих бедер, а потом пробормотал на гортанном наречии:

– Пустынная роза... Пахнешь так сладко. Я бы сорвал твой бутон прямо сейчас.

– Обойдешься без букета, – ответила я на его же языке. Наверное, с диким акцентом, но он точно понял – вон как скалится. – После тебе покажут твою комнату – на хозяйской половине. Ты когда-нибудь спал на настоящей кровати?

– Нет, – ответил он. – Надеюсь, ты придешь и покажешь, как это делается, Амедея.

Я прищурила глаза, оттолкнула его кончиками пальцев и, поднявшись, пошла вперед, а его взгляд обжег мою задницу.

– Где мой друг? – спросил Геррах.

– В комнатах прислуги, – ответила я. – Не волнуйся, с ним хорошо обращаются.

Я вдруг осознала, что толстячку никаких магических браслетов не надевала. Он мог сбежать в любой момент, но отчего-то не сделал этого. Впрочем, для многих людей рабство – привычнее свободы. Но Геррах точно не из их числа.

Эврас нашел его сам – проскользнул в бесшумно открывшуюся дверь и опустился на то же место, где совсем недавно сидела Амедея.

Девушка оказалась очень красивой: матовая кожа была светлой и чистой, густые волосы ниспадали мягкими волнами до самой талии – такой тонкой, что он мог бы легко обхватить ее ладонями, большие голубые глаза сияли живым любопытством, нежные губы хотелось смять поцелуем, а стройные ноги еще лучше смотрелись бы на его плечах...

– Господин, нам несказанно повезло! – воскликнул Эврас, лучась довольством. Даже его лысина блестела как-то особо благостно. – Нас могли заморить в том скотском загоне или продать распорядителю игр, а вместо этого мы в прекрасном доме, чистые и сытые. Это ли не счастье?

– Нет, – буркнул Геррах, но Эврас не обратил внимания.

– Мне дали каши с мясом – простая, но вкусная еда. Койку определили неподалеку от кухни. И все слуги тут упитанные и довольные.

– Ты можешь говорить о чем-то кроме еды? – попросил Геррах. – Глянь лучше, как снять эту штуку.

Эврас подобрался к его запястью, повертел руку туда-сюда, попробовал браслет на зуб.

– Толковый маг делал, – проворчал он. – Руны спрятаны на внутренней стороне – хитро. Можно, конечно, отрезать руку...

Геррах выразительно на него глянул.

– Тогда огонь, – продолжил Эврас. – Вы не боитесь огня, мой господин, этот момент могли не предусмотреть. На кухне большая печь. Надо пробраться туда незаметно, сунуть руку в пламя и немного подождать. Металл оплавится, магические руны повредятся – свобода.

– Она сказала, я не смогу испортить ее имущество, – вспомнил Геррах. – Что, если не выйдет?

– У вас есть другой план?

– Самый очевидный и легкий – довериться девчонке и отбыть здесь год. А потом она обещала меня отпустить. Я выкуплю тебя, и мы вернемся домой.

– Чудно! – просиял Эврас.

– Издеваешься? – возмутился Геррах. – Целый год на рабских харчах!

– Здесь отличные харчи, господин!

– К тому же она запросто может обмануть и перепродать нас кому-то другому. Нет, надо найти способ убраться отсюда пораньше, но этот паршивый браслет держит меня на привязи, как собаку. Давай так: ты сбежишь, отправишься домой, соберешь воинов...

– Сам? – ужаснулся Эврас. – Через перевал? Через посты песчаных? Вы слишком верите в меня, мой господин.

– Можно украсть золото у девчонки, – предложил Геррах. – Потом наймешь охрану. Поедешь как купец или странствующий ученый.

Эврас, вздохнув, погладил лысину.

– Воровать – нехорошо, – проворчал он. – Госпожа Амедея могла и не покупать меня, однако проявила добросердечие...

– Она хитрая змея, – отрезал Геррах. – А если ты так терзаешься муками совести, то вспомни, что это песчаные напали на нас, это они сковали меня магической сетью, не дав обернуться полностью, это они...

Он не смог заставить себя произнести жестокие слова, но лопатки отозвались жгучей болью – и вовсе не оттого, что он приложился о бортик бассейна. Ему отрезали крылья в момент оборота. Он потерял свою вторую ипостась. Своего дракона.

Иначе разнес бы этот белый дом, не оставив камня на камне, и быстро показал нахалке Амедее кто тут настоящий хозяин.

– Я попытаюсь разузнать, где она хранит сбережения, – неохотно согласился Эврас. – Тем более она купила меня за умение считать, представляете? Я, казначей великого правителя красных гор, то бишь ваш, – раб-счетовод.

– Я вообще фальшивый жених, – ухмыльнулся Геррах. – Девчонка хочет отвалить с моей помощью дядю, вознамерившегося пристроить племянницу в щедрые руки.

– Госпожа Амедея очень красива, – заметил Эврас.

– Что есть, то есть, – согласился он. – Но это не имеет никакого значения. Главное – держи язык за зубами. Если кто-нибудь узнает, кто мы такие...

– Я понимаю, мой господин, – согласился Эврас.

– Вот об этом я и говорю – никаких господинов. Я для тебя просто Геррах, такой же раб.

– Вы... Ты тоже будь начеку. Вероятно, как представителей вражеской аристократии, нас обезглавят. Чистая и быстрая смерть, но, тем не менее, жизнь кажется мне куда предпочтительнее.

– Именно, – кивнул Геррах.

Драконорожденный всегда выберет жизнь. Даже если утратил крылья.

Глава 2. Терпение и труд

– Почему ты его выбрала? – вздыхала тетушка. – Неужели на всем рынке не нашлось кого-нибудь посимпатичнее? Кого-нибудь более утонченного, златокудрого... Ты погляди на него! Да такой может голыми руками из верблюда воду выжать!

– По-моему, он очень красивый, – искренне сказала я, наблюдая за варваром с балкона.

Вчера я оставила раба отдыхать и отсыпаться, сегодня же собиралась вплотную заняться его облагораживанием. Однако уже битый час Геррах тренировался на заднем дворе с найденными где-то деревянными мечами, и мне не хотелось его прерывать. Он так легко двигался, что это выглядело каким-то священнодействием. Отточенные движения, перекачивающиеся мышцы под смуглой кожей, стремительный удар – и мечи со свистом разрезали воздух. На заднем дворе моего дома танцевал дикий опасный хищник. А я отчего-то решила, что смогу приручить.

– Он так машет этими палками, что кажется, ничего другого и в руках не держал, – проворчала тетя. – Ни вилки, ни тем более книжки.

– Как знать, – пожалала я плечами. – Речь у него поставлена хорошо.

Быть может, он даже не простой воин, а кто-нибудь вроде командира. Перевертыши у варваров в почете. У нас же таких ценили разве что на горячих играх. Я была на них в прошлом году, дядя заставил – традиции. Лязг мечей и блеск металла, песок, залитый кровью... Я сказала, что мне дурно, и ушла через полчаса, но потом игры долго снились мне, и я просыпалась в холодном поту от кошмаров.

– А можно взять на роль подставного жениха лютниста, – отвлекла меня от воспоминаний тетя. – Я знаю подходящего, поет в трактире «Две кошки». Кудрявый, с ямочками на щеках, и язык подвешен как надо.

– А потом этот лютнист растреплет о своем приключении на всю Аль-Малену, – возразила я. – Нет, я не хочу таких сюрпризов. Раб – отличный вариант. Он будет держать язык за зубами. А что ты, кстати, делала в этих «Кошках»?

– Кошечек и подкармливала, – вздохнула тетушка. – Там так отвратительно готовят, что объедки даже кошкам не годятся.

Тетя Молли, младшая сестра моей матери, рано овдовела, оставшись бездетной, и своей нерастраченной любовью щедро одаривала меня и всех бродячих котиков. Трехцветная кошка неспешно подошла к толстому рабу, который сидел на крыльце, наблюдая за другом. Подставила спину, потерлась головой о ладонь, и раб почесал кошку за ушами.

– А этот, второй, – с трагическим надрывом произнесла тетя. – Он же лысый! Дея, солнце мое, Конрад ни за что не поверит, что ты решила влюбиться в лысого!

– Что значит – решила? – улыбаясь, спросила я. – Разве любовь не приходит внезапно?

– К лысому может быть только расчет, – категорично ответила тетя.

– Он мне как раз для расчетов и нужен. Сказал, что отличный счетовод.

– Наврал, – тетя обреченно махнула пухлой ручкой. – Даже не знаю, в кого ты такая доверчивая... Послушай, Дея, раз уж у нас теперь есть рабы, то нужен и надсмотрщик, как полагаешь? Кто-нибудь грозный, с ремнем...

Я не держала раньше рабов, но надеялась, что браслет удержит Герраха. А теперь, наблюдая, как он двигается, вдруг засомневалась – достаточно ли надежен магический поводок.

– А еще я знаю одну гувернантку, – заговорщицким шепотом сообщила тетя Молли. – Отвратительная особа. Зато ловко управляется с розгами.

Геррах отложил деревянные мечи, взял ведро, стоящее у колодца, и окатил себя водой с головы до ног, так что обнаженный торс заблестел под солнцем.

– Вообще-то он интересный, – признала тетя, близоруко щурясь. – Издалека. А может, ты зря волнуешься? Может, новый жених, которого приведет Конрад, окажется лучше предыдущих?

Я передернула плечами от отвращения. Все эти сытые, наглые, самодовольные рожи, которые рассматривали меня как товар, вереницей пронеслись перед глазами. К счастью, дядя Конрад, брат моего отца, относился ко мне с заботой и не слишком давил. Он спокойно воспринимал мои отказы, а одного из потенциальных женихов даже самолично спустил с лестницы, когда тот полез ко мне с угрозами.

Но так было раньше. В последнюю встречу дядя вел себя пугающе категорично.

– Каким бы тот жених ни оказался, пусть ищет другую невесту, – отрезала я. – Через год я смогу сама распоряжаться и собой, и наследством, и можно будет выдохнуть и зажечь в свое удовольствие. Может, отправимся в путешествие? Что скажешь?

– Куда ты, туда и я, – согласилась тетя Молли, и я обняла ее и поцеловала в щеку.

Геррах подошел к лысому, присел рядом, и кошка ткнулась в смуглую ладонь, а потом перевернулась на спину, пытаясь ухватить палец мягкими лапками.

– Так-то и обезьяну можно выдрессировать, – вздохнула тетя, тоже наблюдая за ним. – Хотя разница не велика...

Оставив ее на балконе, я спустилась во двор.

– Амедея, – раб вскинул темный взгляд, и мне вдруг стало жарко. Хотя что удивительного – солнце так и палит. – Будешь учить меня хорошим манерам?

– Для начала встань, когда разговариваешь с дамой, – потребовала я, но когда Геррах поднялся, тут же об этом пожалела.

Я уже и забыла, какой он высокий. Запрокинув голову, сердито на него посмотрела.

– Быть может, мне ходить на согнутых коленях, чтобы не ущемлять твое достоинство, госпожа?

– Только варвары могут думать, что рост каким-то образом возвышает человека над другими.

– Но он как раз-таки возвышает, в прямом смысле, – возразил он.

Его торс блестел то ли от воды, то ли от пота, но черные чешуйки на плече оставались матовыми.

– Помойся, оденься, и приходи в голубую столовую, – приказала я. – Слуги покажут – где это. Начнем со столовых приборов.

– Прекрасно, – сказал раб, как будто я спрашивала его мнение. – Я как раз проголодался.

Пока Геррах приводил себя в порядок, я решила заняться и вторым своим приобретением. Вопреки сомнениям тети Молли выяснилось, что я каким-то чудом отыскала в грязи невольничьего рынка настоящий бриллиант. Эврас мигом привел в порядок все мои счета и показал, где у меня необоснованно высокие траты.

– Не может быть таких цен на мясо, госпожа, – он обвел цифру карандашом. – Смените поставщика. А вот тут с вас дважды сняли налог на землю.

Я только хлопала ресницами и кивала. А мне-то казалось, что я отлично справляюсь после того, как выгнала вороватого управляющего.

– А вот здесь... – толстячок задумчиво постучал пальцем по бумагам и вопросительно глянул на меня.

– Это доход от продажи артефактов, – быстро пояснила я. – Мой отец был выдающийся маг.

Вообще-то нет. У отца и правда были способности, и он мог найти источник воды даже в пустыне. В наших опаленных зноем землях это ценилось превыше всякого золота. А вот артефакты отцу не давались: магическое плетение не держалось, расплываясь через пару минут.

Я нашла его записи в лаборатории, из чистого любопытства попробовала повторить – и по моим пальцам потекла магия, собираясь в руны, крепкие и надежные, точно отлитые из стали.

Разумеется, мне пришлось держать свое открытие в секрете. Одно дело маг – уважаемый человек, способный принести обществу великую пользу. И совсем другое – ведьма, существо непредсказуемое, вредное и злокозненное, требующее над собой строгого контроля, как, впрочем, и любая другая женщина.

Так что если я не хотела навеки отправиться в замок ведьм – а я не хотела, то должна была скрывать свой дар. Я наврала, что обнаружила в лаборатории отца запасы артефактов, которые оказались удачными. Он экспериментировал – и вот результат.

Быть может, тетя Молли и догадывалась о чем-то, но держала язык за зубами. О замке ведьм говорили страшные вещи: неприступные гранитные стены, железные цепи, одиночные камеры, но самой пугающей была версия о том, что нет никакого замка ведьм. Женщин-магичек попросту вывозили из города и убивали, а безжалостная пустыня поглощала их тела.

– Жаль, что однажды этот источник иссякнет, – заметил Эврас.

– Ничего, – легкомысленно ответила я, напуская на себя беззаботность. – Когда я выйду замуж, такие вопросы перестанут меня волновать.

– Но вы, госпожа, насколько я понял, замуж не стремитесь, – проницательно напомнил толстячок.

Я лишь улыбнулась в ответ. Мало ли, что там в голове у женщины. Сегодня одно, завтра другое. Именно так считает дядя, так что если я предьявлю ему готовенького жениха, то вряд ли сильно удивится.

Оставив Эвраса в кабинете, я пошла в голубую столовую. Окна были открыты нараспашку, и свежий ветер перебирал прозрачные занавески. Вышитая скатерть, серебряные приборы, тончайший фарфор – Геррах смотрелся здесь пугающе чужеродным элементом.

Он поднялся мне навстречу, и я мысленно его похвалила: быстро улавливает. Но когда отодвинул мне стул, я покачала головой.

– Так не надо делать. В нашей стране мужчина не прислуживает женщине.

Геррах все же помог мне сесть, и лишь потом сам опустился на место.

– Прекрасно выглядишь, Амедя, – сказал он. – Твои глаза такие ясные и прозрачные, как высокое небо в утренний час.

– А вот комплименты – это хорошо, – похвалила я. – Это можно.

– Мне нравятся твои одежды, – продолжил Геррах. – Ткань такая тонкая, что можно рассмотреть все изгибы.

– Но твои слова не должны быть слишком откровенными, – осадила его я.

– Правда? – раб вздернул темные брови. – Где же проходит граница?

– Лицо и общий облик – допустимо, – задумалась я. – Изгибы – точно нет.

– Хм, – Геррах нахмурился. – Давай попробуем еще раз. Твои губы, Амедя, точно лепестки роз.

– Неплохо, – ответила я.

– Кожа чистый фарфор.

– Вполне, – одобрила я.

– А дерзкие вишенки, что натягивают ткань платья, так и хочется укусить.

Мои щеки запылали.

– Нет! – воскликнула я. – Никаких вишенок!

– Значит, граница проходит по ним? – невозмутимо уточнил варвар. – Я, кажется, понял.

Взяв с тарелки булочку, Геррах макнул ее в персиковый джем и откусил сразу половину.

– Что? – промычал он. – Я опять сделал что-то не так? Надо было колоть ее вилкой?

– Наблюдай за мной и повторяй, – терпеливо сказала я.

В конце концов, тетя Молли права: и обезьяну можно выдрессировать. Но придется усердно работать.

Амедея очаровательно смушалась, деликатно поправляя его и завопила лишь раз, когда Геррах схватил соусник и сделал вид, что собирается пить прямо из носика.

Он вынужден был признать, что Эврас прав, и с рабством им действительно повезло. Хозяйка оказалась доброй, милой и очень привлекательной. Хоть Геррах и продолжал убеждать себя, что последнее вовсе не важно, но завтракать в компании красивой женщины было очень приятно.

– Скажи, Геррах, тебе нужна медицинская помощь? – спросила она.

– Не думаю, что твои целители, кем бы они ни были, смогут вернуть моего дракона, – резко ответил он.

– Я про рубцы от кнута, – пояснила Амедея. – Болят?

Геррах пожал плечами. На эту боль он не обращал внимания. Это как если бы человека, которому отрезали ногу, спросили – не досаждают ли ему насморк.

– Мне жаль, что так вышло, – с сочувствием продолжила девушка. – С драконом.

– Правда? – нехотя сказал он. – В вашей стране оборотней не считают за людей. С чего бы тебе меня жалеть? По вашей логике я должен радоваться, освободившись от звериной половины. Разве нет?

– Нет, – выпалила Амедея без раздумий. – Я знаю, каково это... Отказываться от части себя...

– Откуда бы тебе это знать?

Она спохватилась, как будто сболтнув лишнего, и мило улыбнулась.

– Я про замужество, – пояснила охотно. – Когда девушка выходит замуж, то тоже лишается очень многого. Попробуй теперь намазать ломтик хлеба творожным сыром. С ножом ты должен управиться легко, не так ли?

Амедея хотела казаться беззаботной птичкой, и это у нее получалось очень неплохо, но Геррах видел за нежной внешностью стальной характер. А будь он иным, разве пошла бы она на такой отчаянный риск?

– Замужество не отбирает, а дает, – возразил он. – Это этап жизни. Как дерево растет, цветет и дает плоды, так и женщина исполняет свое жизненное предназначение, когда любит мужчину и рождает от него детей.

– Угу, – промычала она, пряча взгляд.

– Может, я лучше убью твоего жениха, раз уж он тебе не по нраву? – предложил он. – Сними с меня браслет, и я...

Амедея снисходительно улыбнулась, и Геррах сам осознал примитивность своей уловки.

– Не перебеешь же ты всех, – заметила она. – Аль-Малена – город большой. К тому же сюда съезжаются со всего света. Кстати, я тут подумала, что за местного ты никак не сойдешь – акцент, внешность, поведение. Промахи иностранца воспримут проще, спишут на разницу культур. Будешь торговцем с запада.

– С востока. Те земли я лучше знаю.

Амедея вдруг захлопала в ладоши, и Геррах удивленно воззрился на бутерброд в своей ладони. Оказывается, задумавшись, он намазал сыр и сложил приборы как положено.

– Bravo! – воскликнула девушка. – У тебя очень хорошо получилось. А теперь не запикивай его в рот целиком, как бегемот, а откусывай по небольшому кусочку. И не забывай жевать.

– Это все потому, что ты подкрепляешь мои успехи, – сказал Геррах. – Вот кнут на мне не срабатывает. Как меня ни пороли – я только становился упрямее. А поощрение, как видишь, творит чудеса.

– Думаю, свобода – достаточный стимул, – напомнила Амедея.

Геррах укусил бутерброд, запил чаем, сделав аккуратный глоток, и поставил чашку назад на блюдце, заслужив одобрителный взгляд.

– А промежуточная награда будет? – спросил он.

– Что еще ты хочешь?

Его взгляд против воли метнулся к ее губам. Не понять, в чем тут дело. Быть может, в браслете есть плетение, которое заставляет его обожать свою госпожу, но его тянуло к ней как ни к одной женщине прежде.

Уловив что-то по его лицу, Амедея напустила на себя суровый вид.

– Поцелуй, – все же сказал он.

– Ты с ума сошел, раб? – холодно поинтересовалась она.

– Я очень здраво мыслю, – возразил Геррах, вовсе не будучи в том уверен: ему бы разрабатывать план бегства, а он вместо этого размышляет, каковы ее губы на вкус. – Я вот что подумал: если ты хочешь убедить дядю в своей влюбленности в меня, то можно устроить так, чтобы он застал нас за страстными ласками. Предлагаю потренироваться. Вдруг я целуюсь не так, как положено воспитанному мужчине?

– Да уж наверняка не так! – вспыхнула Амедея. – Но, боюсь, тебе суждено умереть, не освоив эту науку.

– Как скажешь, госпожа, – ответил он и, доев бутерброд, облизал пальцы.

Глава 3. Соловьиные трели

После завтрака я отправилась на рынок. Тетя Молли тоже пыталась увязаться следом, но мне удалось отделаться от нее, попросив приглядывать за рабами – мало ли что. Она прониклась важностью задания и пообещала, что не спустит с них глаз. А потом еще и приказала служанке наломать прутьев.

– На всякий случай, – сказала тетя, поджав губы. – Знаешь, твой варвар хотя бы простой как чугунок, а вот лысый не внушает доверия: глазки хитрые, пузо круглое. Вот скажи мне, пожалуйста, как раб мог отъестся?

Я не знала ответа на этот вопрос и посоветовала тете самой разузнать все секреты. Заглянув в лабораторию, взяла артефакт и, бережно уложив его в корзинку и укутав мягкой тканью, поспешила прочь.

Рынок шумел всюду: шелестел цветастыми тканями, гремел колесами телег, кричал на разные голоса. Я ловко двигалась в людском потоке, прижимая к себе корзинку, а тонкая накидка скрывала мое лицо.

– Кремы, мази, притирания для пробуждения желания! Красавица, – обратился ко мне торговец. – Возьми за пять, почти в подарок, потом купишь еще. Твой мужчина захочет тебя как в первую ночь.

Геррах не считал нужным скрывать своих желаний, и я от этого терялась и не знала, что именно ему приказать. Не раздевать меня взглядом? Но что это за жених, который не любит своей невестой? При этом раб смотрел на меня как на ровню, и это особенно раздражало. В его темных глазах не было ни капли подобострастия или рабской покорности. Он мог бы восхищаться мною как чем-то недостижимым: любоваться как рассветом или горной каймой – отстраненно. Но вместо этого вел себя так, будто лишь какая-то незначительная условность мешает ему сорвать с меня одежды и покусать вишенки.

Вспомнив его дурацкий комплимент, я выругалась, и женщина впереди обернулась и посмотрела на меня с опаской.

– Обвесили, – пожаловалась я.

Она покивала, но на всякий случай ускорила шаг.

Заметив знакомую дверь, выкрашенную зеленой краской, я поднялась по выщербленным ступеням и быстро юркнула внутрь.

Высокий чернокожий охранник шагнул навстречу, но, когда я сняла капюшон, кивнул и посторонился, пропуская. Меня здесь знали и ждали. Я прошла по узкому темному коридору, свернула в еще одну дверь и попала в комнату без окон, красную, как чрево животного. Ковры на стенах приглушали звуки, и шум рынка стих, словно отрезанный ножом. А хозяин дома поднялся мне навстречу, раскидывая руки.

Ленни – достанет что угодно – Соловей был идеальным женихом в представлении тети Молли: стройный, златокудрый, и даже ямочки на щеках в наличии. Безжалостный и опасный как смертоносная гюрза, Ленни обладал ангельской внешностью, которую портил разве что грубый шрам поперек шеи. Я не спрашивала, как он его получил.

Разумеется, обниматься с ним я не стала, но всучила корзинку.

– Что же моя птичка принесла в клювике? – поинтересовался Ленни, убирая ткань.

– Думаю, тебе понравится, – без ложной скромности сказала я, усаживаясь на мягкий диван возле приземистого столика.

Лени взял с бархатной подушечки серебряное яйцо, увитое рунами, покрутил в руках и вопросительно посмотрел на меня.

– Оно разделено на половины, – подсказала я. – Если крутануть против часовой стрелки до щелчка, то артефакт придет в действие, и все звуки в радиусе шести зир не будут слышны за пределами этого расстояния.

Тонкие золотистые брови Ленни приподнялись.

– Проверим, – кивнул он и жестом подозвал темнокожего раба. – Стой там.

Я волновалась, потому что такое плетение сделала впервые и проверяла только на тете, а она иногда и без артефактов бывает глуховата.

– Ты сегодня выглядишь как-то по-особенному, Амедя, – проницательно заметил Ленни. – Что-нибудь новенькое произошло?

– Может быть, – ответила я. – Но это личное.

– Обычно мне нравится, когда партнеры не смешивают работу и личную жизнь, – он тоже присел на диван, но держась на расстоянии. – Но в твоём случае все иначе, Амедя. Мне даже жаль, что я так и не подобрал ключ к твоим границам.

Мое лицо словно окаменело. Вряд ли когда-нибудь я смогу спокойно говорить про какие-либо границы и не вспоминать при этом сомнительный комплимент Герраха.

– Принеси-ка нам чай, – приказал Ленни слуге, но тот так и остался стоять в дверях, а на обычно непроницаемом темном лице отразился ужас.

– Господин, – прошептал он. – Я ничего не слышу! Я вижу, что ваши губы шевелятся, но не слышу ни звука. Я оглох!

Он взвизгнул, засунул пальцы себе в уши и яростно покрутил.

Ленни досадливо поморщился, повернул половинки яйца обратно, и повторил:

– Чай нам, быстро.

Слуга выдохнул и исчез в глубине коридора, всхлипывая от испуга.

– Великолепно, – похвалил Ленни, повернувшись ко мне. – Я беру.

– Я хочу больше обычного, – сказала я. – Вполовину.

Подумав, Соловей кивнул.

– Только вместо надбавки хочу предложить кое-что любопытное. Кое-что такое, что могло бы вызвать интерес знающего человека.

Поднявшись, он подошел к шкафу с мелкими ящичками, открыл один из них и вынул плотный тканый мешочек. Подойдя к низкому столику, развязал тесемки и высыпал содержимое на стол, и я непроизвольно облизнула губы.

Черные матовые чешуйки казались сделанными из обсидиана. Ленни поднес свечу к столу, и в них заплясал огонь.

– Мне продал чешую один проныра, – пояснил Ленни. – Но я ему доверяю. Она настоящая. Где-то на заставе подрезали дракона. Так-то вроде безделица, но я подумал, что ты могла бы найти им применение.

Я задумчиво прикоснулась к чешуйкам и чуть не отдернула руку – они были теплыми.

– Но зачем это мне? – опомнилась я. – Мой отец был артефактором, я лишь продаю запасы...

– Конечно, – успокоил меня Ленни. – Но эти чешуйки довольно красивые, правда? Потрогай, не бойся, они все еще теплые, словно хранят драконий огонь. Можешь взять их, если тебе нравится.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Да... Да, я возьму их, в придачу к обычной плате.

Раб принес на подносе чай, поставил передо мной изящную фарфоровую чашку, но я знала, что не притронусь к ней – и Ленни это знал. В его шкафу хранилось столько зелий, что я до сих пор не рискнула выпить в этой увешанной красными коврами комнате даже глоток воды.

Ленни усмехнулся и отпил чай.

– Я бы хотел спросить кое-что, Амедя... – начал он. – Давно ищу одну штуку, но не могу найти. Что-то такое, что помогало бы отличать правду от лжи. По роду моей деятельности

я общаюсь со многими людьми, и некоторые, вот как ты, отрада и для глаз, и для сердца, но большинство – всякий сброд, который только и норовит, что оставить меня без гроша.

Хотела бы я посмотреть на того человека, который посмеет обмануть Соловья. Поговаривали, он вырвал одному лгуну язык и заставил съесть.

– Быть может, поищешь что-нибудь подобное в запасах твоего отца? – невинно продолжил он. – Я бы заплатил вдвое, нет, втрое больше обычной цены.

– Я попробую... Поискать, – кивнула я и поняла, что он все знает.

Ленни Соловей давным-давно все про меня понял. Но я все еще здесь, а не в ведьмином замке или объятиях жарких песков.

– Я твой друг, Амедея, – сказал он, накрыв мою руку своею – тонкой и изящной как у девушки. – Тебе не надо меня бояться. Клянусь, ты можешь выпить этот треклятый чай и с тобой ничего не случится.

Его прикосновение было сухим и прохладным, и я, помешкав, высвободила руку. Но взяла чашку и сделала глоток. Чай оказался цветочным, с легким ароматом жасмина.

– Очень вкусно, – признала я.

Я вышла в зеленую дверь и мигом смешалась с толпой. Уже на выходе с рынка свернула к торговцу тканями и купила готовое платье, чтобы оправдать свою прогулку. Нежно-розовый шелк, пояс, украшенный бусинами, – скажу, что долго выбирала. А в том, что я захотела купить новый наряд перед встречей с женихом, нет ничего странного.

Наверное, я бы могла обратиться за помощью к Соловью, и он бы решил мои проблемы. Вот только вряд ли способ мне бы понравился. К тому же наши взаимовыгодные отношения вполне меня устраивали. Ничего личного, только бизнес. Хотя чай и правда был вкусным, а драконьи чешуйки, что я положила в карман, грели пальцы.

Я не знала, что с ними делать, но дома сразу пошла в лабораторию, заперла за собой дверь и высыпала содержимое мешочка на стол. Черные чешуйки расплескались каплями застывшей лавы. Я перебирала их, складывала в узоры, пытаюсь нащупать нужную руну.

Если бы я получила образование в Даресе, откуда выходили все маги страны, мне было бы куда проще. Я бы строила магию по выверенным схемам, как дом: фундамент, стены, крыша. Но я была самоучкой. Я читала книги, найденные здесь же, в отцовской лаборатории, пробовала использовать знания и придумывала что-то сама. Моя магия была не зданием, а скорее песней. Я подхватывала первые ноты, и мелодия лилась сама, а мне оставалось лишь записать ее и не сфальшивить.

Я предпочитала использовать золото и серебро для артефактов – руны ложились глубоко и надежно, проникая в самую их структуру. К тому же тихий голос благородных металлов не мешал, а лишь только усиливал мою магию.

Но драконья чешуя уже хранила в себе силу. Я слышала дикую первобытную песню и не могла разобрать нот. Прикрыв глаза, я перебирала чешуйки, и обрывки яростной мелодии будоражили мое сердце. Бой военных барабанов... Свист ветра... Рев волн, бьющихся о скалы... Стоны, всхлипы, жаркое сплетение тел...

Я слотнула и открыла глаза. Сердце колотилось, и мои ладони вспотели, а чешуйки все так же лежали под моими ладонями, непроницаемо черные, как осколки ночи.

В дверь постучали, и я быстро сгребла их в ящик стола.

– Дея, дорогая, ты там?

Я открыла тете, но не пустила ее внутрь. Вместо этого сама вышла из лаборатории, закрыла дверь и приложила руку к замку, который послушно щелкнул.

– Я купила новый наряд, – сказала я. – Хочешь посмотреть?

Платье село неплохо. Немного широковато, но я и не люблю облегающие фасоны.

– Может, новый жених будет не так уж плох? – предположила тетя Молли, трогая розовый шелк. – Ты такая красавица. И этот цвет тебе очень к лицу. Ты точно роза.

– Вырез слишком глубокий, – с досадой пробормотала я, стягивая края ткани на груди.

– Можно сколоть брошкой, – предложила тетя.

А я вдруг представила себе черную розу, как будто опаленную огнем, – именно такую можно сделать, если сложить драконью чешую как лепестки. В голове зазвучали неясные обрывки мелодии, но тут же стихли.

– А что рабы? – поинтересовалась я. – Хорошо себя вели?

Тетя быстро отвела взгляд.

– Что случилось? – требовательно спросила я.

– Господин, вы не должны помогать мне, – ворчал Эврас, орудуя лопатой.

– А ты не должен называть меня господином, – напомнил Геррах, всаживая лом под упрямый корень.

– Эта женщина, Молли, в каком-то смысле права, – продолжил Эврас. – Я набрал лишний вес, а физический труд приведет меня в форму. Опять повезло!

– Ага, и нас прогнали прочь из кухни, словно блохастых котов, – проворчал Геррах, поддевая корень. – Если бы удача и правда нам улыбнулась, мы бы уже расплавили проклятый браслет и мчались к родным горам. Дай-ка еще раз лопату.

– Мы уже пробовали раз десять, – возразил Эврас. – Браслет так не снять. Смотрите, к нам идут.

Геррах выпрямился и, приложив руку козырьком к глазам, посмотрел на две женские фигурки, спешащие по саду. Амедея переделалась в нечто розовое и воздушное, а ее тетка в сером платье напоминала маленькую грозовую тучку.

– Вот, – она осуждающе тыкнула в него пальцем. – Я сказала заняться прополкой лысому. А этот твой второй...

– Волосатый, – подсказал Геррах.

– ...отправился за ним следом. Я говорила, что он может обломать ноготь, или посадить мозоль, а нам нужен красивый ухоженный жених – как об стенку горох. Может, он плохо понимает по-нашему?

– Нормально он понимает, – ответила Амедея, не сводя с него взгляда. – Просто решил помочь другу. Тетя Молли, зачем ты вообще отправила их в сад?

– Потому что они подозрительно шептались, – наябедничала та. – И все терлись на кухне.

– Вас плохо кормят? – спросила Амедея.

– Все прекрасно, госпожа, – заверил Эврас. – Нам несказанно повезло...

– Вот и нечего наглеть, – проворчала тетка.

Она достала прутик и неуверенно пригрозила им, а после, будто смутившись, спрятала его назад в карман.

– Думаю, на сегодня достаточно, – сказала Амедея.

– Мы не закончили, – возразил Геррах, наваливаясь всем весом на лом.

– Оставь уже этот несчастный пень в покое, – выпалила она. – И иди со мной. А ты, тетя, займи чем-нибудь Эвраса, только не на солнце, а в тени. Он отлично разбирается в бумагах, побереги его голову.

– Надо было найти ему шляпу, – виновато признала женщина. – Пойдем, как тебя там...

Эврас последовал за ней, а Геррах все же вытолкнул пень из земли, и тот выпростал обрубки корней к небу.

– Так что ты хотела, Амедея? – спросил он, повернувшись к девушке, которая хмурилась и кусала губы, словно прислушиваясь к чему-то, слышному только ей одной.

– Продолжить твоё обучение, разумеется, – ответила она. – Поговорим?

– Если хочешь, – согласился Геррах и пошел следом, приноравливаясь к ее плавной походке.

– Что ж... Как тебе мой сад? – поинтересовалась она.

Сад, раскинувшийся позади ее дома, был очень ухоженным: ровные дорожки, усыпанные желтым песком, стриженные как под линейку кусты, мраморные поилки для птиц.

– Скучно, – честно сказал Геррах. – Аккуратно, но безжизненно.

– Такая резкая критика – дурной тон, – заметила Амедея. – Попробуй найти что-то, что тебе нравится, и искренне это похвалить.

– Вот твое платье отличное, – тут же одобрил он. – И ты еще заверяла, что высокий рост не дает мне никаких преимуществ? Вид сверху великолепен!

Спохватившись, Амедея стянула ткань на груди и бросила на него испепеляющий взгляд.

– О чем там еще говорят в высшем обществе? – продолжил Геррах. – О погоде? Моде? Ценах на зерно? Что хочешь обсудить?

– Расскажи, как тебя поймали, – попросила она.

Глава 4. План Бэ

Вообще-то горы были зелеными. Деревья и кусты укутывали подножия мохнатым зеленым воротником, а наверху Седла Драконов лежала белая шапка снега, которая в летние месяцы сбегала вниз звенящими ручьями.

Но люди называли горы красными справедливо. Если вгрызться в породу в нужном месте и достаточно глубоко, то серые скалы роняли кровавые капли камней, за самый мелкий из которых в Аль-Малене можно купить с пяток рабов, умеющих махать мечами.

А вот за Эвраса надсмотрщик мог выручить куда больше, если бы был поумнее, ведь казначей властителя Красных гор обладал редким и драгоценным умением слышать камни. Потому они и оказались на западном склоне. Эврас все хотел послушать голос гор, которые что-то там нашептывали.

– Я не хочу говорить об этом, – отрезал Геррах. – Зачем тебе знать? Хочешь пикантных подробностей?

– Нет, – Амедея быстро покачала головой. – Но, говорят, драконы очень сильные...

Сильные, да. Потому он и не взял с собой охрану. Кто же знал, что их уже ждали.

– Я попал в засаду в человеческом обличье, – нехотя пояснил Геррах. – Меня поймали артефактами. Вроде твоего браслета, только хуже.

Толстая корка льда лишила его воздуха и возможности оборота, а когда он все же сломал ее и расправил крылья, второй маг выпустил сеть. Это было похоже на ловушку.

Амедея медленно шла вперед, опустив голову. Странная девушка, если не сказать больше. Геррах протянул руку, чтобы коснуться ее шелковистых волос, и упругая сила оттолкнула ладонь прочь.

Сегодня он пытался сбежать снова, но невидимая петля раз за разом обхватывала его и настойчиво тянула к дому, как он ни сопротивлялся. Геррах упирался пятками в землю, цеплялся руками за ограду – со стороны казалось, будто он пытается идти против сильного ветра, который отчего-то дует только на него. Потом они с Эврасом хотели расплавить браслет в печи на кухне, но оттуда их мигом выставили.

Словоохотливая служанка рассказала, что отцом госпожи был артефактор. Очень талантливый и очень скромный. Отчего-то при жизни он стеснялся показывать плоды своих трудов, которые теперь держали Герраха в надежном плену.

– Браслет сделал твой отец? – спросил он, покрутив узкую полоску металла на запястье.

– Да, – коротко ответила Амедея.

Она с досадой сорвала розу с куста и швырнула на дорожку, как будто даже не заметив этого. Красные лепестки упали на желтый песок каплями крови.

– Почему ты так не хочешь замуж? – спросил он. – Тебе уже двадцать, верно? Твой опекун не спешил выдавать тебя за первого встречного, прислушивался к твоим желаниям, значит, можно было найти подходящего жениха.

Куда более подходящего, чем он сам.

– Может, ты влюблена в кого-то? – предположил Геррах. – В кого-нибудь... эмм... уже женатого?

– Что за чушь! – возмутилась Амедея. – Хотя не исключено, что мой дядя думает так же, поэтому и решил действовать спешно.

– Но я не прав?

– Нет, ты не прав, Геррах, – ответила она, сворачивая к беседке, увитой цветами.

А он подумал – сколько же воды нужно для того, чтобы этот чистенький сад цвел и благоухал. Прогнав из мраморной поилки птичку, Геррах нагнулся и жадно приник к свежему фонтанчику, а потом еще и умыл лицо.

Отряхнувшись, он поймал на себе внимательный взгляд Амедеи, в котором не было привычного осуждения и недовольства.

– Послушай, раб, – сказала она, как будто специально подчеркнув его статус. – Я хочу, чтобы ты разделся.

– Мое предложение продемонстрировать дяде нашу страстную любовь нашло отклик в твоём сердце? – поинтересовался он, немедленно стаскивая рубашку с плеч.

– Нет, не нашло, – ответила Амедея, обходя его по кругу. – Штаны оставь. Откуда ты так хорошо знаешь наш язык?

– Пытал пленных, – соврал Геррах, чтобы напугать ее.

Легкое прикосновение прохладных пальцев к спине заставило его вздрогнуть.

– Ты врешь, – уверенно сказала Амедея и положила ладонь на чешуйки, которые остались на плече после незавершенного оборота. – Ну-ка, ответь... – она задумалась. – Какого цвета мои глаза?

– Голубые, – выпалил он без раздумий, и нежное лицо Амедеи озарила недоверчивая улыбка.

– Это потрясающе, – прошептала она, погладив его плечи обеими руками. – Так красиво...

– Рад, что тебе нравится, – вежливо ответил Геррах, обернувшись. – Может, и мне дашь тебя потрогать?

– А теперь помолчи, – приказала она. – Не мешай.

Она прикрыла глаза, словно наслаждаясь музыкой. Геррах тоже замер, но не услышал ровным счетом ничего, кроме чириканья птиц и далеких голосов, доносящихся из дома. Он развернулся к Амедее, и изящные ладони легли ему на грудь. Голубые глаза распахнулись и вquisительно посмотрели на него снизу вверх.

Красивая, молодая, неопытная... Будет не сложно влюбить ее в себя, а после вынудить стащить треклятый браслет. По его опыту женщинам куда больше нравится подчиняться, а не властвовать, особенно в постели. Бывают, конечно, исключения, но Амедея кажется такой нежной и мягкой.

– Сперва тоже ответь, – потребовал он. – Почему ты выбрала именно меня?

Геррах ждал, что она смутится, но, к его удивлению, Амедея ответила честно и без стыда, с равнодушием, ударившим словно пощечина:

– Ты выглядишь как мужчина, который нравится женщинам.

– Не только выгляжу, но и являюсь, – заметил Геррах.

Она лишь равнодушно пожала хрупкими плечиками и присела на белую лавочку в тени беседки, разглядывая его с любопытством, в котором не было ни намека на флирт.

– Там, на рынке, выбор не богат, – продолжила Амедея. – Старые, больные, увечные... Или с такими зубами, что и представить страшно, как с ним целоваться.

– Ты представляешь мои поцелуи?

Он опустился прямо на мраморный пол беседки, прислонился к одной из колонн, наслаждаясь прохладой – такой редкой в этой безжалостной раскаленной стране.

– Все должно выглядеть правдоподобно для моего дяди, – терпеливо пояснила Амедея. – Но твоё нахальство не знает границ. Ты был обычным воином, Геррах?

Дракон не может быть обычным, хотя в красных горах никого не удивишь способностью принимать вторую ипостась.

– Да, – ответил он, и заслужил еще один внимательный и недоверчивый взгляд.

– Откуда же у тебя такое самомнение? – поинтересовалась Амедея. – Я купила тебя за внешность и хорошие зубы, и еще потому, что ты отлично говоришь на нашем языке. Вот и все. Твои поцелуи меня не интересуют. Я была честна с тобой, почему ты удивляешься?

А Геррах и правда испытывал нечто сродни изумлению, поскольку осознал, что вступил на новое для себя поле боя. Раньше женщины сами добивались его внимания и проявляли удивительную настойчивость и изобретательность, чтобы оказаться в его постели вновь. Он любил женщин, знал, как заставить их стонать от удовольствия, но разговаривать с ними, обольщать... Все было бы куда проще, не будь на нем браслета, который не позволял прикоснуться к Амедее.

Когда он сидел в том скотском загоне, смердящем мочой и кровью, то успел увидеть немало женщин этой страны: громких, душных, тяжелых, с блестящей смуглой кожей и бесстыжими глазами. Амедее не была похожа ни на одну из них.

– Чему ты улыбаешься? – спросила она.

– Я подумал, что нас следовало бы поменять при рождении, – ответил он. – Я хорошо переношу жару и выжил бы даже в сердце вашей пустыни. А ты... Ты как озеро, что прячется высоко в наших горах. Вода там кристально чистая и такая холодная, что зубы сводит.

– Считаешь, я холодна? – вырвалось у нее.

– Я бы разбудил в тебе огонь, – ответил Геррах, скользнув по ней взглядом. – Так даже интереснее. Когда женщина сразу на все готова – скучно.

Ему нельзя ее трогать, но можно говорить.

– Сперва я бы исцеловал твои сладкие губы, Амедее, – неспешно сказал он. – Я бы дразнил их легкими прикосновениями, покусывал и лизал, а мой язык ласкал бы твой влажный и нежный рот, все глубже и настойчивее. Ты уже целовалась когда-нибудь?

Она усмехнулась, а голубые глаза стали колючими, как лед.

– Какое тебе дело, раб?

– Такое, что никто не поверит, что ты влюблена в меня, – ответил он, лениво потянувшись, – если и дальше будешь смотреть на меня как на вошь. А если я вдруг прикоснусь к тебе, и меня впечатает в стену твоей магией, то это вызовет у дяди некоторые подозрения, правда?

– Сперва поработай над своим взглядом, – фыркнула она.

– Я смотрю на тебя как-то не так, Амедее?

– Да. Как будто видишь меня голой, – она все же слегка покраснела. – Даже жених должен оставаться в границах приличия.

– Ты только что облапила меня, – напомнил Геррах, – и я справедливо решил, что мы спрятались здесь не для бесед.

– Ты ошибаешься... Я вовсе не за этим...

– А что это было? – спросил он, подавшись вперед. – Зачем ты приказала мне раздеться, а потом обнимала меня?

Покусав губы, Амедее выпалила:

– Осматривала твои раны. Не хватало еще, чтобы кровь проступила через ткань в самый неподходящий момент. Но все зажило.

Складно, но отчего-то ему казалось, что она врет.

– И что теперь? – спросил Геррах. – Поговорим о погоде? Сегодня жарче чем на сковороде у дьявола, и мой зад вспотел как у шлюхи. Пойдет, если я так отвечу твоему дяде?

– Расскажи лучше о своей стране, – попросила она.

Когда Геррах грубил и будто специально меня провоцировал, мелодия звучала фальшиво. Но стоило ему увлечься беседой, как я вновь услышала чистые верные ноты. Это было... потрясающе! Я испытала почти такой же восторг как тогда, когда впервые создала магическое плетение. Но если прежде мне удавалось услышать лишь материал и живое дыхание рун, то сейчас для меня звучал человек.

Обрывки мелодии, услышанной ранее, в Геррахе сливались в настоящую симфонию. И шторм, и ветер, и жаркая страсть – все это пело в нем, в живом воплощении магии, и искры огня, вспыхивающие в черных глазах, завораживали.

Я купила его, потому что он, верно, нравится женщинам, но я тоже была одной из них. И теперь смотрела на сильное тело, жесткие черты лица, чувственные губы, и не могла не думать о том, что он сказал о поцелуях.

Какой-то части меня хотелось попробовать.

Геррах рассказывал про красные горы, которые на самом деле зеленые, про снег, лежащий на вершинах, про драконов. Его низкий голос стал звучать мягче, темные глаза вспыхивали искрами, и я, замороженная его рассказом и магией, что пела в нем, почти видела сверкающие нити водопадов и парящих в небе крылатых чудовищ.

– Я слышала, вашей страной правит самый сильный дракон? – спросила я.

– Так и есть, Амедея, – кивнул Геррах. – Каждые пять лет драконы сражаются за право назваться лучшим. Победитель становится правителем гор.

– Но это же дикость! – возмутилась я. – Он может быть сильным, но при этом тупым как пробка!

Геррах бросил на меня непонятный взгляд, в котором мне померещилось возмущение.

– Я оскорбила твою любовь к правителю? – испугалась я.

– Нет, – скупно обронил Геррах. – Все в порядке.

– А если он не только тупой, но и жестокий, – продолжила я. – Или победил своих противников подлостью? Отчего вы решили, что такой человек... дракон... будет править мудро?

– Потому что это наш древний обычай, освященный богами, Амедея. Сила дракона не может быть подлой, это претит самой ее сути. Мы называем состязание драконьими танцами, и они куда менее кровавые, чем ваши горячие игры, в которых нет никакого смысла, только одна лишь смерть на потеху толпы.

Мысленно я с ним согласилась.

– А кто правит сейчас? – спросила я. – Кто самый сильный дракон в красных горах?

Геррах помедлил с ответом.

– Я не знаю, – сказал он. – Драконьи танцы должны были состояться пару дней назад. Быть может, скоро и в твоей стране прозвучит имя нашего нового правителя.

– Нового? – переспросила я. – Значит, ты думаешь, прежнего свергнут?

– Он и правда не очень, – криво усмехнулся Геррах. – Вот как ты сказала – туповат. Так что да, думаю, кто-то другой займет его место.

– А ты участвовал в этих ваших драконьих танцах? – спросила я.

Магия взвыла в его теле с новой силой, и глаза засверкали. Я почти увидела летящего над острыми пиками дракона, воплощенное буйство стихий.

– Да, – ответил он и опустил густые ресницы. – Но больше не буду.

Мелодия оборвалась, исказилась, закончилась аккордом болезненно горьким как плач навзрыд.

– Это можно исправить? – вырвалось у меня. Я спустилась со скамейки, села на пол напротив Герраха, скрестив ноги.

Он посмотрел на меня так, словно впервые увидел.

– Не думаю. Ваши маги знают свое дело.

– Тебя будут искать?

Он мотнул головой.

– Никто не знает, где я. Мое место займет другой.

– Как это? – возмутилась я. – Ты ведь не часть механизма, не какая-нибудь там шестеренка, чтобы раз – и заменить тебя на другого.

– Все именно так, шехсайя.

– Что это значит – шехсайя? Я не очень хорошо понимаю твой язык.

– Я удивлен, что ты вообще его учила, – заметил Геррах. – Зачем?

– У меня было много свободного времени, – ответила я.

И я видела в изучении языков больше смысла, чем в выборе нарядов, танцах и пустой болтовне. В последнее время я даже с Ленни Соловьем общаюсь чаще, чем с подругами.

– Шехсайя значит «моя госпожа», – ответил Геррах, но уголок его губ едва заметно дернулся.

– Специально дразнишь меня? – спросила я.

– Что ты, Амедя, – возразил он. – Я простой бесхитростный варвар и говорю, что думаю.

– Я вижу, какой ты, – отрезала я.

– Правда? – усомнился Геррах.

Магия в нем затихла, будто прислушиваясь к нашему разговору.

– Я понимаю, когда ты врешь, – добавила я.

Геррах молчал, изучающе глядя на меня.

– Твоя суть слишком... пылкая, чтобы быть лживой, – пояснила я. – Ты все еще дракон, Геррах. И ты хочешь сбежать, правда?

Он молчал, но мне и не нужен был ответ. Он с такой тоской говорил о своих горах, что и без слов понятно – его душа рвется туда всеми силами.

– Ты злишься на меня, – сказала я. – За браслет. За то, что не оставила шанса на побег.

– Да, – признал Геррах, вскинув голову и обращая на меня пламенеющие глаза. – Ты не бьешь меня и кормишь, и даже – какая щедрость! – позволила помыться в мраморных купальнях. Только мне все это не надо, Амедя. Это все равно рабство. Если бы меня заковали в железо, я бы сломал кандалы. Если бы бросили в яму – выбрался. Если бы отправили на горячие игры – убил бы всех и получил свободу. А твои оковы не натирают и почти невесомы, но я не могу их снять! И я злюсь, Амедя, очень злюсь. Я ворочался всю ночь на твоих мягких матрасах и не мог уснуть. Хочешь правду? Мне претит твоя ложь. Притворяться кем-то не тем, играть в любовь... Все это не по мне. Давай сделаем все по-настоящему, хочешь?

Я отпрянула, но он смотрел на меня всерьез. Подался ближе, так что я почувствовала жар его тела. Музыка, звучащая в нем, стала иной – тягучей, томной, чарующей.

– Тебе понравится быть со мной, – его дыхание коснулось моей щеки. – Разреши к тебе прикоснуться, и я докажу это прямо сейчас.

Отпрянув, я деланно рассмеялась. Вскочив, посмотрела на Герраха сверху вниз, в глаза, в которых плясал настоящий пожар.

– Ты варвар, дикарь и мой раб, – отчеканила я. – Вряд ли жених, которого приведет дядя, будет еще хуже.

Как вскоре выяснилось, я сильно ошибалась.

Глава 5. Предложение

Оставив Герраха в беседке, я пошла напрямик в лабораторию и вновь достала драконью чешую. Серебро и золото не подходят, конечно. Нужно железо. Оно будет звучать в унисон. На сами чешуйки руны не лягут, но если сделать оправу... Я возилась с ними до глубокой ночи, забыв обо всем. И с самого утра, наплевав и на воспитание варвара, и на все остальное, засела за дело.

Суть дракона чиста и правдива. Никто не станет винить ветер или огонь во лжи. И именно это хотел Соловей – артефакт правды.

Такая вещь не помешала бы никому, но куда больше правды мне нужны были деньги. Содержание дома, слуг, обеспечение потребностей тетушки и ее многочисленных котов – все это легло на мои плечи. Наследство, оставшееся от отца, до моего совершеннолетия перешло в управление дяди, и он полагал, что сумма, выделяемая мне ежемесячно, должна покрывать все расходы. Наверное, если бы я разогнала слуг и стала питаться в «Двух кошках» на пару с тетей, этих денег и правда бы хватило. Быть может, дядя считал это средством давления на меня и ждал, что я с радостью побегу замуж, лишь бы избавиться от нужды. Я и правда побежала. Только не замуж, а на черный рынок, где знающие люди быстро шепнули мне нужное имя.

Я работала вдохновенно, и через три дня артефакт был готов. Черные лепестки, тонкий узор рун, ничего лишнего.

Ленни Соловей встретил меня там же, в красной комнате. Жестом предложил сесть, и чернокожий слуга по щелчку пальцев принес зеленый чай, пахнувший жасмином.

– Ты быстро, – заметил Ленни. – Неужели... нашла?

Я заправила прядь волос за ухо, и Ленни, вздернув тонкие брови, посмотрел на черную розу, свисающую к плечу. Драконьи чешуйки были довольно легкими, но из-за железной оправы сережка получилась увесистой.

– Как она работает? – спросил Ленни.

– Она пахнет, – ответила я. – Скажи, Ленни, это твое настоящее имя?

– Отчасти, – ответил он.

– Ты правда мне друг?

– Насколько это возможно.

– В этом чае есть что-то особенное?

Ленни усмехнулся и откинулся на спинку дивана.

– Нет, – ответил он, и сладкий запах поплыл по комнате.

Соловей втянул аромат и вопросительно посмотрел на меня.

– Правда, – кивнула я.

– Забавная штука, – улыбнулся Ленни. – Задай вопрос, на который я солгу.

– Ты убивал когда-нибудь? – вырвалось у меня.

– Нет, – ответил Ленни, мягко улыбувшись, и сладкий запах тут же сменился смрадом.

Соловей поморщил тонкий нос и выразительно помахал рукой.

Поднявшись, он подошел к своему бездонному шкафу и, покопавшись в нем, достал иголку. Недрогнувшей рукой проколол себе мочку и, вернувшись на диван, взял артефакт, который я уже положила на стол. Кровь капала с уха Ленни, стекала по шее, но он, не обращая на это внимания, продел серьгу.

– Я нравлюсь тебе? – спросил он, глядя мне в глаза.

– Ты мне интересен, – уклончиво ответила я и, взяв чашку, отпила глоток. Роза сладко пахла.

– У тебя есть мужчина?

Я усмехнулась и посмотрела прямо ему в глаза – холодные точно сталь. Невольно вспомнились другие – темные и жаркие. Как бы отреагировал Геррах, если бы узнал, что я делаю вещи из его тела? Вряд ли бы счел это этичным. Если, конечно, он знает это слово.

– В некотором роде, – ответила я.

У меня есть фальшивый жених, и на артефакт я потеряла кучу времени, которого и так катастрофически не хватало, чтобы обтесать его до приемлемого состояния.

– В кладовке твоего отца еще есть артефакты? – спросил Соловей, едва заметно усмехнувшись.

– Я могу поискать, – ответила я, и Ленни выразительно зажал нос двумя пальцами.

– Ты можешь достать еще чешую? – спросила я. – Только обязательно такую же.

– Легко, – ответил Ленни и тут же поморщился. – Ладно, не легко. Возможно, и не получится. Плохо, что артефакт работает в обе стороны. Выходит, я не могу врать, когда ношу его.

– Либо привыкай к запаху, – посоветовала я. – Ты подмешивал мне что-нибудь в чай? Не сейчас. Раньше.

Ленни выразительно посмотрел на меня и улыбнулся в ответ.

– Что было, то прошло, – ответил он. – Сейчас я узнал тебя лучше и понял, что с тобой надо действовать честно. Пожалуй, ты единственный человек, перед которым я точно открытая книга.

В комнате завоняло еще ошутимее.

– Можно привыкнуть, – согласился Ленни. – Но неприятно. А что там за шумиха с твоим дядей?

– Что? – переспросила я и, неловко поставив чашку, звякнула ею о блюдец. – Откуда ты вообще знаешь про моего дядю?

– Ох, Амедея, – он снисходительно улыбнулся. – Неужели ты думаешь, что я не выяснил о своей любимой птичке все возможное? К тому же с моим родом деятельности надо держать руку на пульсе.

– Расскажи, что знаешь про дядю? – попросила я, и мое сердце сжалось в недобром предчувствии.

– Поговаривают, что Конрад Лейтон будет избираться в великий совет. А еще говорят, что он заручился поддержкой, которая обеспечит ему место.

– Ты интересуешься политикой, Ленни?

– Я много чем интересуюсь, – ответил он. – Значит, ты не в курсе?

Я помотала головой, но догадка кольнула мое сердце.

– И снова завоняло, – заметил Ленни. – Амедея, не делай так больше.

– Это лишь предположение. Дядя хочет выдать меня замуж, – выпалила я.

– О, – он облизнул губы и тоже взял чай. – Складывается логичная цепочка. Значит, за свое место в совете он пообещал тебя?

Я в панике прикусила ноготь. Если ставки так высоки, то плевать дяде на мой хитрый план и фальшивых женихов.

– Послушай, птичка моя, – протянул Ленни, – я не собираюсь смотреть, как тебе подрезают крылья. Я давно знаю секрет бездонной кладовой твоего отца и храню его так же бережно, как свои тайны. Чувствуешь аромат роз? Я говорю правду. Но твой будущий муж может не обрадоваться, что ты ведьма. А ты проколешься, Амедея. Ты не так осторожна, как думаешь. Или же тебе придется запереть саму себя в клетку, добровольно отказаться от дара и прожить так остаток дней. А так нельзя! Ты лучшая, честно тебе говорю!

Роза благоухала на всю красную комнату.

– Что же мне делать? – спросила я, и светлые глаза Ленни алчно вспыхнули.

– Я могу спрятать тебя так, что никто не найдет, – вкрадчиво пообещал он. – Я исполню все твои желания. Любые материалы, хоть чешуя дракона, хоть перо из зада полярной совы – все достану.

Чуть более комфортная клетка, в которой птичка будет петь для него одного.

– А взамен? – спросила я.

Ленни снял серьгу и положил на стол.

– Тяжелая, – пожаловался он и помассировал мочку. На тонких пальцах осталась кровь. – Мы всегда договоримся, Амедея. Я не стану тебя заставлять делать что-то, чего ты не хочешь...

Я посмотрела на измаранную кровью черную розу, лежащую на столе. Зачем же Ленни снял артефакт правды перед тем, как давать мне обещания?

– Я подумаю, – ответила я, и это тоже было вранье.

За эти несколько дней Геррах весь извелся. Мало того, что все попытки расплавить рабочий браслет пошли прахом, так еще и Амедея вдруг заперлась где-то в доме и больше не звала его ни поесть, ни поговорить.

Обманщица, притворщица, лгунья... Сперва пообещала ему сделку и свободу, а потом вовсе о нем забыла. Кристальная чистота обернулась отравой, которая мучила его душу. Что до тела, то его желания Геррах привык контролировать, но не мог перестать думать, что бы сделал, если бы браслет вдруг исчез.

А может, вместе с оковами спали бы и чары, и нежный облик хозяйки померк. Геррах даже попытался выяснить, на самом ли деле Амедея так восхитительна. Вдруг это магия делает ее личико таким нежным, а тело желанным. Однако Эврас подтвердил, что Амедея и правда очень хороша, хоть и слегка худая на его вкус.

Друг погрузился в изучение бухгалтерских документов и, пользуясь случаем, с упоением находил прорехи в налоговом законодательстве чужой страны, а Геррах измочалил деревянный меч в щепки и теперь сидел на крыльце и стругал себе новый.

Трехцветная кошка, чувствуя его настроение, держалась в стороне и неодобрительно прижимала уши.

– Шшш, – сердито шикнул Геррах в ее сторону, и кошка тоже зашипела на него, скаля мелкие зубки.

– Я вам не помешаю? – церемонно поинтересовалась тетка Амедеи.

Еще одна заноза, которая все норовила привлечь его к труду. То выкорчевать пни, то натаскать воды, то достать с дерева кота, который, по мнению Герраха, сбежал туда от чрезмерно заботливой хозяйки. И он корчевал, носил и снимал, и готов был перекопать весь трехцветный сад, лишь бы занять чем-то руки и мысли.

– Что еще? – грубовато спросил Геррах, вживаясь в роль неотесанного варвара. – Могу дров наколоть.

– Не надо, – сказала тетка. – Госпожа зовет тебя в голубую столовую. Только приведи себя в порядок, смотреть страшно.

К Амедее он чуть не бежал, но перед дверью все же задержался и вошел не спеша. Девушка сидела за столом, сосредоточенно жуя салат, и поприветствовала Герраха скупым кивком.

Как будто уставшая, под голубыми глазами тени, волосы взлохмачены и пахнут розами.

– Ты была на свидании? – выпалил Геррах, садясь напротив.

Амедея удивленно на него посмотрела.

– Куда ты пропала? – требовательно спросил он. – Наша сделка в силе?

– Угу, – промычала она. – Ешь.

Геррах схватил вилку в кулак и сердито вонзил в куриную ножку. Поднес ко рту и вырвал зубами кусок мяса.

Амедея смотрела куда-то в глубь себя и словно вовсе не замечала его манер. Хотелось взбесить ее, встряхнуть за хрупкие плечи, а лучше – исцеловать до жарких стонов, до распухших губ.

Взяв руками салатный лист, Геррах запихал его себе в рот целиком, хрустя и причмокивая. Амедея всхлипнула и спрятала лицо в ладонях.

– Эй, ты чего? – испугался он. – Слушай, я же шучу. Я не стану чавкать при твоём дяде!

Амедея покачала головой и отняла руки от лица.

– Все напрасно! – с горечью выпалила она. – Оказывается, он уже сговорился с кем-то очень важным. Пообещал меня взамен на поддержку на выборах в совет. Я завидная невеста, знаешь ли: у меня хорошее приданое. И вряд ли фальшивый жених что-то изменит!

– А чего ты вообще хочешь? – спросил Геррах. – От жизни.

– Я? – Амедея покусала губы и ответила, глядя ему в глаза, как будто наконец его заметив: – Свободы! Я хочу того же, чего и ты, Геррах! Разве это так много? Просто самой выбирать, как жить свою жизнь.

– Ты – девушка, – напомнил он.

– Да ладно! – с нарочитым изумлением воскликнула Амедея, выпрямившись и отбросив вилку. – Ешь свой окорочок и не пытайся умничать. Не твое это.

Геррах аккуратно отложил столовые приборы, закипая от бешенства.

– Хороший муж еще не помешал ни одной женщине, – рассудительно заявил он.

– Мне прямо хочется снять с тебя браслет и отправить с глаз долой, – призналась Амедея.

Видимо, на его лице промелькнули надежда и замешательство, потому что она рассмеялась.

– Не радуйся раньше времени, раб. Сперва я все же попробую разыграть эту партию. Вдруг Ленни что-то перепутал. Хотя вряд ли. Он хитрый лис.

– Кто такой Ленни?

– Но в любом случае он знает слишком много, – пробормотала Амедея, вновь хватая вилку и яростно размешивая салат. – Его чернокожий слуга шел за мной следом через весь рынок, я видела его рожу. Я как будто в осаде со всех сторон.

– Да кто такой этот Ленни? – повторил Геррах, раздражаясь.

– Опасный человек, – ответила она. – Не забивай себе голову, Геррах. Лучше запомни – вот эта вилка для салата, а эта – для рыбы. Но, знаешь, лучше рыбу не ешь.

– Давай я убью его.

– Что ты заладил? – возмутилась она. – То жениха, то Ленни. Убью да убью. Человеческая жизнь – бесценный дар!

– Расскажи толком, что случилось. В целом я понял: про дядю и выборы. Но Ленни – белое пятно.

– Наверное, я совершила ошибку, когда связалась с ним. Но он так хорошо платил и не задавал вопросов... – Амедея застонала и, вновь отбросив вилку и опершись локтями на стол, обхватила голову руками. – Довериться ему – точно не вариант. Все равно что сунуть голову в пасть дракону.

– Дракону? – переспросил Геррах. – А хочешь сбежать со мной? – предложил он. – Амедея, ты только скажи! Я проведу тебя через любую пустыню, – он склонился к ней через стол. – Я дам тебе твою вожаделенную свободу. Выстрою дом, найму слуг. Тетку твою доставучую тоже устрою. Котов ей заведу, целое пушистое стадо. Только сними с меня этот браслет...

– Все от меня чего-то хотят, – устало заметила Амедея. – Знаешь, может, я все же зря паникую. Сперва надо взглянуть, что там за жених. Вдруг он добрый и мягкий тюфячок, который будет снисходительно относиться к причудам жены...

– А какие у тебя причуды? – поинтересовался Геррах.

– А может, он вообще капитан, – с надеждой предположила она. – Говорят, недавно один корабль отправился в кругосветное путешествие. Вдруг и мой муж отчалит в неведомые дали. Должно же мне когда-нибудь повезти? Кстати, ты уверен, что сможешь выдать себя за торговца? Ты куда больше похож на его телохранителя. Но такой жених дядю точно не устроит...

– Зато устроил бы тебя, правда? – проворчал Геррах. – Женился – и ушел с караваном. А в пути может случиться всякое, и охрана первой попадает под раздачу.

– Идеально, – согласилась она.

– Если что, мое предложение все еще в силе, – напомнил он. – Быть может, твой жених не захочет то, что уже кто-то брал.

– Предлагаешь опозорить меня на всю Аль-Малену? – спросила Амедея.

– Ты же не хочешь замуж. Да и высшее общество тебя не привлекает. Что за тайная комната, где ты сидишь целыми днями?

– Сижу и сижу, тебе какое дело, – бросила она. – А ты чем занимался, не считая попыток бегства?

– В основном котами, – тяжело вздохнул Геррах, и Амедея недоверчиво улыбнулась.

Он рассказывал про кота тети Молли, забравшегося на дерево в саду, но я думала о своем.

Сбежать – вот единственный вариант. Здесь меня не оставят в покое – ни дядя, ни Ленни. Наш последний разговор с Соловьем мне совсем не понравился: его интерес, вопросы, предложение, и особенно то, как он снял артефакт правды... Коготок увяз – всей птичке пропасть. Пока что Ленни не пытался меня шантажировать, но я понимала, что уже в его власти.

Сладкий аромат роз пропитал мои одежды, но в нем была и затхлая нотка лжи. Соловей – мастер петь песни, но верить им нельзя.

Можно сесть на корабль под яркими флагами и уплыть куда-нибудь через море. Ленни щедро заплатил мне за розу из чешуи дракона: хватит на первое время и на себя, и на тетю. В сундучке припрятаны сбережения – не так много, как хотелось бы, но есть еще драгоценности мамы, на которые дядя не наложил свою жадную руку.

Геррах продемонстрировал мне свежие царапины на руке, и я деланно ужаснулась. Кажется, кот хотел, чтобы его не спасали, а оставили в покое – точно как я.

Фальшивый жених вряд ли спасет меня, но с его помощью я пушу дядю по ложному следу. Предъявлю торговца с востока, а после исчезну. Логично, что меня станут искать в том направлении. Я же сбегу на запад, в Эркайю. Там когда-то жила прабабка по маминной линии, и у меня в спальне висела картина, на которой чистый, будто прозрачный город тянулся хрустальными башнями к самому небу.

На миг мелькнула мысль принять предложение дракона. Геррах не врал, он бы и правда повел меня через пустыню к своим землям, где красные горы – зеленые. Даже заманчиво – просто взять и переложить все заботы на могучие плечи, покрытые чешуей, что так чисто поет. Но я глазом моргнуть не успею, как он облагодетельствует меня собой. Ведь по его патриархальным убеждениям счастье женщины – в муже.

– Амедея! – в столовую, запыхавшись, ворвалась тетя Молли. – Завтра! Они приедут завтра! Конрад прислал письмо!

– Можешь быть свободен, – сказала я Геррашу.

– Уверена? – спросил он. – И даже не сыграешь со мной в шашки? Или во что там надо.

– Ты все равно ему не понравишься, – отрезала я. – Вечером еще раз пройдемся по легенде, но тебе не надо будет присутствовать долго. Я вас познакомлю, а потом ты сошлешься на дела и уйдешь.

– Я тут подумала насчет дров – лишним не будет, – добавила тетя Молли. – Так что тебе будет чем заняться.

– Не сомневаюсь.

Геррах поднялся и, бросив на меня пытливый взгляд, пошел прочь. Тетя села на его место и схватила меня за руки.

– Так волнительно, Амедя! – экзальтированно воскликнула она. – А вдруг жених – тот самый? Вдруг твое сердечко дрогнет и впустит в себя любовь?

– Я бы на это особо не рассчитывал, – бросил Геррах уже у дверей.

– Помойся хорошенько, – приказала я. – И пусть слуги подберут тебе одежду.

Дождавшись, пока он уйдет, я повернулась к тете.

– Помнишь, мы мечтали о путешествии?

– Вообще-то ты мечтала, – возразила она. – Ничего не может быть лучше родного дома.

– Но что, если этот жених окажется еще хуже предыдущих? А дядя потеряет терпение?

И я подумала...

– Ты драматизируешь, – укорила меня тетя. – Варвара этого притащила, устроила спектакль. Дея, милая, надо всего лишь посмотреть на жизнь по-другому: с радостной надеждой, открыто, доверчиво! И она, вот увидишь, преподнесет тебе приятный сюрприз.

Я только вздохнула.

– Если жених мне не понравится, я сбегу, – поставила я ее перед фактом. – Ты со мной?

– Ох, Амедя, – ее голубые глаза наполнились слезами. – Ты как скажешь... Конечно, я с тобой, деточка. Но, дорогая, давай не будем рубить с плеча. Этим пусть раб занимается. Не представляю, как ты собираешься выдать его за приличного человека...

– Собери на всякий случай вещи, – сказала я. – Самое необходимое.

– Ладно, – согласилась тетя. – Но сперва давай выберем, что ты завтра наденешь. Вот то новое платье весьма приятное, хоть и откровенное. Но, быть может, так даже лучше. Или сходим на рынок и подберем что-то еще? По правде сказать, я слегка обносилась. Конрад вечно смотрит на меня так неодобрительно, как будто я только зря занимаю место...

– Хорошо, сходим за нарядами, – кивнула я. – На набережной открыли новый магазин готового платья.

Я смогу оставить там тетю, а сама сбегу в порт и узнаю, когда отправляется корабль в Эркайю, город сверкающих башен. Говорят, там в школы магии принимают и женщин, но в эти слухи я верила с трудом.

Тетя Молли щебетала о платьях, к которым обязательно нужны новые туфельки с острыми носами, по последней моде, а я прикидывала, что надо взять с собой. Деньги, драгоценности, материалы для артефактов, удобную обувь, пару плащей...

Хрустальный город на миг сменился зеленой горой с нахлобученной шапкой снега, но я быстро прогнала это видение.

– Конрад любит тебя, – сказала тетя Молли, тронув меня за руку. – Ты вообще слушаешь меня, Дея?

– Любит, – повторила я. – Как свою собственность, которой можно выгодно распорядиться.

– Брось, – отмахнулась она. – Он бы давно мог выдать тебя замуж, претендентов хватало. Но вдруг этот самый лучший?

Если бы я знала, кто перешагнет порог моего дома, то бежала бы хоть в пустыню, хоть к драконьим горам, но в тот момент я позволила себе надежду.

– Ты права, – ответила я тете. – Завтра я встречу удивительного мужчину, который изменит всю мою жизнь.

В каком-то смысле так и вышло.

Глава 6. Жених

За те полгода, что мы не виделись, дядя совершенно не изменился: все такой же добродушный на вид толстячок, он ущипнул меня за щеку, кивнул тете Молли и посторонился, пропуская вперед жениха.

Я почти не спала этой ночью, зато под моей кроватью теперь прятался новенький чемодан, в котором уместилось все самое необходимое. Но когда я увидела претендента на мою руку и сердце, то слабовольно подумала, что, быть может, никуда бежать и не стоит...

– Филипп ЛандО, – представился он и, галантно склонившись к моей руке, коснулся ее губами.

Высокий, стройный, с аккуратными чертами лица и ясными серыми глазами. Не слишком молод: на висках и надо лбом в русых волосах уже заметна седина. Нижняя челюсть чуть выступает вперед, на подбородке ямочка. Очень элегантный в ослепительно белом костюме и почти такой же высокий как Геррах, но куда тоньше. Не меч, а хлыст, гибкий, но жесткий.

Тетя едва не подпрыгивала от радости и, тараща глаза, одними губами шепнула:

– Хорош.

Филипп Ландо и правда был интересным. Где-то я уже его видела...

– Моя драгоценная племянница Амедея, – дядя представил меня торжественно и гордо, точно шеф-повар, вносящий коронное блюдо вечера.

Холодные серые глаза впелись в меня как рыболовные крючки, и грудь вдруг сдавило так, что стало трудно дышать.

– Я уже видел вас однажды, прекрасная Амедея, – донеслось как будто издалека. – И не смог забыть, как ни пытался. Эти голубые глаза...

– Да, она очень мила. Пойдем, я покажу тебе все.

Дядя повел Филиппа в дом, и наваждение прошло, я выдохнула, а тетя схватила меня за руку.

– О, Дея, милая, он такой красавчик!

Дядя ушел вперед, показывая мой дом жениху, который, кажется, уже ощущал себя здесь полноправным хозяином, а я, оглядевшись, вытерла вспотевший лоб шторой.

– Ты в порядке? – нахмурилась тетя. – Сегодня такая жара. Быть может, стоит сходить припудрить носик?

– Все нормально, – ответила я. – Просто вспомнила, где его видела.

Филипп Ландо, распорядитель горячих игр. В тот единственный раз, когда я их посетила, он сидел на центральной трибуне неподалеку, и его ноздри раздувались, как будто он вдыхал не вонь пота и крови, а упоительный аромат.

– Действуем по плану, – сказала я тете, и она недовольно нахмурилась, но после кивнула.

– Ты права, подстегнем его конкурентом, – заговорщицки прошептала она. – Ох, Дея, вы будете так славно смотреться вместе...

– Он мне не нравится, – отрезала я, пытаюсь вспомнить все, что о нем знала.

Горячие игры были самым громким и ожидаемым событием Аль-Малены, каждый год они привлекали в казну потоки золота, а заодно избавляли город от преступников. Бандитам, насильникам и убийцам всех мастей давали возможность получить прощение и свободу на играх, и победителей чествовали как героев. Вот только большинство участников покидали арену не на своих ногах, а в телегах, за которыми оставался кровавый след до самых городских ворот.

Я покусала губы, пощипала щеки, почувствовав озноб вопреки жаре.

– Ты красавица, – приободрила меня тетя Молли. – К тому же он уже в тебя влюблен. Присмотрись к нему. Вежливый, утонченный, весь в белом...

И по уши в крови.

Я не была такой уж экзальтированной девой. Взять того же Ленни – я вела с ним дела, прекрасно понимая, что он из себя представляет. Но мой жених, перед которым дядя вился ужом, убивал ради удовольствия. Придумывал новые изощренные способы, яркие сюжеты, подбирал людей как актеров в труппу, зная, что им предстоит умереть, а потом наслаждался поставленным им же спектаклем.

Дядя подошел ко мне и прошипел сквозь зубы:

– Что стоишь как пришибленная? Иди, улыбайся, пригласи к столу. Это очень важный человек, Амедея. Я надеюсь, все готово?

– Разумеется, дядя, – ответила я, и мой голос прозвучал звонко и оживленно. – Ты ведь сообщил, что придешь. И не один, а с гостем. Я всегда рада тебе, ты же знаешь. И твоим друзьям тоже.

Вот так – просто гость, просто дядин друг. Филипп пристально взглянул на меня, и воздух вновь как будто загустел. С усилием протолкнув его в легкие, я добавила:

– Прошу, в голубой столовой уже накрыто. Но там на один прибор больше. Я ожидаю кое-кого еще – человека, с которым я давно хотела познакомить тебя, дядя. Надеюсь, он тебе понравится. Потому что для меня это очень важно.

Я постаралась смущенно улыбнуться, и дядя сконфуженно насупился, виновато глянув на гостя. Тот выглядел невозмутимым и спокойным, только острый кадык дернулся вверх-вниз на тощей шее, как будто Филипп подавился камнем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.